

1.

Платон и Аристотель

Аристотель

О благе*

ARISTOTLE
ON THE GOOD (TR. E. ALYMOVA)

ABSTRACT. The publication presents the Russian translation of Aristotle's lost treatise *On the Good*, as reconstructed and collated by Sir W.D. Ross (1955).

KEYWORDS: Plato, Aristotle, *On the Good*.

От переводчика

Нижеследующий перевод посвящается 2400-летию Аристотеля. Аристотель подарил нам *неписаное учение* Платона, чем инспирировал поиски и дал новый оборот Платоновскому вопросу: говоря о Платоне, теперь нельзя не упомянуть так называемые *ἄγραφα δόγματα*, нельзя не занять определенную позицию в их отношении. Текст сочинения «О благе» (вопрос, можно ли этот текст называть сочинением самого Аристотеля, остается открытым) относится к числу тех источников, к которым обязательно обращаются исследователи, вовлеченные в дискуссию по поводу неписаного учения Платона: ведь этот текст считается конспектом платоновской лекции, записанной Аристотелем. Таким образом, предлагаемый текст/перевод — перекрестье, точка (одна из), в которой можно наблюдать встречу Учителя и Ученика.

© Е.В. Алымова (Санкт-Петербург). ealymova@yandex.ru. Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета.

* Перевод выполнен по изданию Ross 1955: 111–120 (дополнена нумерация текстов). Хочу выразить благодарность своему коллеге, а иногда и соавтору Светлане Караваевой за дельные советы, а также Алексею Гарадже за внимательное и строгое чтение текста перевода и критические замечания. — Е.А.

Testimonia

Т 1 (G 84.1) ARISTOX. *Harm.* 2.30.16–31.3 (Macran). Так и Аристотель всегда рассказывал о том, что большинство услышавших лекцию Платона «О благе» были в недоумении. Ведь каждый пришел, предполагая, что узнает о чем-то таком, что по общему мнению относится к человеческим благам, например, о богатстве, здоровье, силе и вообще о каком-нибудь удивительном счастье. А когда оказывалось, что речь идет о математике и числах, о геометрии и астрологии, и, наконец, о том, что благо — это единое, я думаю, это казалось им совершенно невероятным. И потом одни с презрением отзывались об услышанном, другие порицали.

Т 2 (G 96.1) ARIST. *Ph.* 209b11–16. Поэтому и Платон в диалоге «Тимей» утверждает, что материя и хора тождественны. Ибо то, что воспринимает (τὸ μεταληπτικόν), и хора (ἡ χώρα) суть одно и то же. И хотя он по-разному называл воспринимающее в «Тимее» и в так называемом неписаном учении, он все же ясно показал, что место (ὁ τόπος) и хора суть то же самое.

Т 3 (G 96.2) ТИЕМ. *In Ph.* 106.21–23 (ad 209b1–21). Однако, согласно «Тимею», материя воспринимает эйдосы одним способом, а согласно устным лекциям — другим. Действительно, в «Тимее» — через причастность (κατὰ μέθεξις), в устных лекциях — через уподобление (καθ' ὁμοίωσιν).

Т 4 (G 96.5) РИНОР. *in Ph.* 515.29–32 (ad 209a31). И если он в «Тимее» материю назвал иначе, дав ей имя воспринимающего, тогда как в устных лекциях он называет ее большим и малым (τὸ μέγα καὶ τὸ μικρόν), то не согласны мы разве с тем, что воспринимающее — это хора и место.

Т 5 (G 96.6) *Ibid.* 521.9–15 (ad 209b13). Значит, он по-разному именует материю в «Тимее» и в неписаном учении, то есть в устных лекциях. Ведь в устных лекциях он называл материю большим и малым, как Аристотель указал выше, да и мы уже объяснили,

почему материя — это большое и малое, а в «Тимее» он материю называет восприемлющим, так как она воспринимает эйдосы. Устные лекции Платона записал сам Аристотель.

Т 6 (G 94) SIMP. *in Ph.* 503.10–18 (ad 207a18). Указав, что беспредельное (τὸ ἄλειρον) скорее объемлется, чем объемлет, и что по своей природе оно непознаваемо, он [Аристотель] возражает против поверхностного истолкования платоновских речей. Действительно, хотя Платон в лекции «О благе» и сказал, что большое и малое — это материя, которую он также называет ἄλειρον — беспредельным, и что все воспринимаемое чувствами объемлется этим беспредельным и является непознаваемым в силу того, что имеет природу материальную, неопределенную и текучую, все же кажется, как утверждает Аристотель, что по этому рассуждению и в области умопостигаемого есть соответствующее ему большое и малое, то есть неопределенная двойца (ἡ ἀόριστος δυάς), о чем речь идет в лекции «О благе»: она наряду с единым является началом всякого числа и всего сущего, ведь идеи тоже суть числа.

Т 7 (G 96.3) *Ibid.* 542.9–12 (ad 209b11). [Аристотель] говорит, что Платон по-разному называл материю в «Тимее» и в устных лекциях. А именно: в «Тимее» он говорит, что материя — восприемлющее, так как она «неким совершенно непостижимым образом воспринимает умопостигаемое» (Ti. 51ab), а в устных лекциях он называет ее большим и малым.

Т 8 (G 96.4) *Ibid.* 545.23–25 (ad 209b33). Причащающееся (τὸ μεθεκτικόν) он в устной лекции «О благе» называл большим и малым, а в «Тимее» — материей, каковую он еще именовал местом и хорой.

Т 9 (G 97.1) ARIST. *De An.* 404b18–21. Такое же определение он [Платон] дает и там, где рассуждает о философии: ведь и живое существо как таковое состоит из самого вида единого, из первой длины, ширины и глубины, и со всем прочим дело обстоит таким же образом.

Т 10 (G 97.2) ΡΗΙΟΡ. *In De An.* 75.34–76.1 (ad 404b18). Сочинение, называющееся «О благе», говорит о философии. В этом сочинении

Аристотель излагает содержание устных лекций Платона. Это сочинение действительно принадлежит Аристотелю, в нем он излагает мысли Платона и пифагорейцев о сущем и его началах.

Т 11 (G 97.3) SIMP. *In De An.* 28.7–9 (ad 404b18). Он же [Аристотель] называет «О философии» свое сочинение «О благе», основанное на лекциях Платона, где он излагает то, что думали о сущем пифагорейцы и платоники.

Т 12 (G 95) ASC. *in Metaph.* 77.2–4 (ad 990b15). Мы, по крайней мере, утверждаем, что у безобразного нет идей, так как безобразное в сущем не имеет прочного основания и лишь сопутствует, как говорится в платоновских лекциях.

Fragmenta

F 1 (G T 3, R³ 27) *Vita Arist. Marciana*, p. 433.10–15 (Rose). И Аристотель был весьма умеренного нрава, если в «Категориях» утверждал, что не следует доказывать на скорую руку, но наоборот — многократно исследовав проблему, и действительно, лишь тщательное рассмотрение задачи может быть полезным. И в сочинении «О благе» он пишет, что-де «нужно помнить: человек не только случайно приходит к правильным выводам, но и путем доказательств».

F 2 A (G 87, R³ 28 A / 30) ALEX. APHR. *in Metaph.* 55.20 (ad 987b33). Началами всего сущего Платон и пифагорейцы полагали числа, так как им казалось, что началом должно быть самое первое и простое, а из тел первые — это плоские, ибо более простое и неустрашимое по природе предшествует; аналогично, начала плоских поверхностей — линии, линий — точки, каковые сами математики называли «метками» (σημεῖα), а они [sc. Платон и пифагорейцы] — единицами (μονάδας), так как эти метки простейшие и нет ничего, что бы им предшествовало. А монады суть числа, стало быть, числа предшествуют всему сущему. И так как эйдосы и идеи (τὰ εἶδη τε καὶ αἱ ἰδέαι), согласно [Платону], предшествуют всякому относящемуся к ним (πρὸς αὐτὰ) сущему и имеюще-

му *быть* от них (а то, что таковые [sc. эйдосы и идеи] есть, Платон пытался показать весьма многими способами), он идеи стал называть числами. Ибо если простейшие по виду (τὸ μονοειδέες) предшествуют тому, что к ним относится, а ничто не предшествует числу, значит, эйдосы — числа. Потому-то и начала числа он называл началами эйдосов, а единое — началом всего (τὸ ἐν τῶν πάντων).

Далее, эйдосы суть начала всего остального, а так как идеи суть числа, то началами являются начала числа. Началами числа он называл единицу (τὴν μονάδα) и двойку (τὴν δυάδα): так как среди чисел есть один и не-один (τὸ ἐν καὶ τὸ παρὰ τὸ ἐν) (то есть многое и немногое), каковое в ряду чисел есть первое после одного, то именно это он и полагал в качестве начала многого и немногого. А первым после единого является двоица, содержащая в себе много и немного, так как двойное — многое, половинное — немногое, каковые содержатся в двоице. И она противоположна единому, если действительно оно неделимо, а она делима.

Далее, намереваясь показать, что равное и неравное суть начала всех сущих как таковых и им противоположных (ведь он старался все это привести к простейшим), он равное отождествил с единицей, а неравное — с избытком (ὑπερέχον) и недостатком (ἐλλείπον). Ведь неравенство предполагает две вещи, большую и малую, они же суть избыточное и недостаточное. Он потому и называл неравенство неопределенной двоицей, что ничто само по себе — ни превосходящее, ни превосходимое — не является определенным, но остается неопределенным и беспредельным. Неопределенная двоица, будучи ограничена единым, становится двойкой в числовом ряду. Ведь такая двойка по виду — единое.

Далее, двойка — это первое число. А начала ее суть превосходящее и превосходимое, так как впервые в двойке обнаруживаются двойное и половина, а двойное и половина [взятые сами по себе], с одной стороны, суть превосходящее и превосходимое, а с другой — превосходящее и превосходимое [взятые вместе] уже более не двойное и половина — превосходящее и превосходимое

суть элементы двойного. И так как превосходящее и превосходимое, будучи ограниченными, становятся двойным и половиной (ибо они уже более не являются неопределенными, как не являются неопределенными ни тройное и третья часть, ни состоящее из четырех частей и четвертая часть, ни что-либо из остального с уже ограниченной избыточностью), а создает это природа единого (ибо каждое отдельно взятое сущее есть одно, поскольку есть определенное в отношении сущности и ограниченное нечем), то, стало быть, элементами двойки как числа будут единое, большое и малое.

Однако первое число — двойка. Значит, единое, большое и малое суть элементы двойки. Видимо, в силу таких соображений Платон и полагал началами как чисел, так и всего сущего единое и двоицу, как об этом пишет Аристотель в сочинении «О благе».

Ibid. 57.3–11: А именно, потому что ему кажется, что двоица делит все, к чему приближается. Поэтому-то он и называет ее удвоительницей (δωλοτόν). Действительно, она, делая каждое, к чему прилаживается, двойным, некоторым образом делит его, не позволяя ему оставаться тем, чем оно было. Именно в результате этого деления рождаются числа; как масса для оттисков и формы (τὰ ἐκμαυεῖα καὶ οἱ τύποι), которые уподобляют себе все, что в них вложено, так и двоица, словно некий оттиск, становится началом, порождающим следующие за ней числа, делая каждое, к чему она только прилаживается, двумя и двойным. Так, прилаживаясь к одному, она производит число два (ибо дважды один — два), к двум — четыре (дважды два — четыре), к трем — шесть и т.д.

Ibid. 57.24–28: Если к каждому четному числу прибавить единицу (μονάδος προστιθεμένης), получатся нечетные числа, речь, правда, идет о единице не в том смысле, в каком единое есть начало (ибо такое единое есть формообразующее, а не материальное), но — как при ограничении единым большого и малого получалась двойка, так и о том и другом числе [sc. четном и нечетном], ограниченном единым, говорится, что оно единица (μονάς).

F 2 B (G 93, R³ 28 D) ALEX. APHR. APUD SIMP. *In Ph.* 454.19–455.14 (ad 202b36). И сам Александр, признаваясь, что исходит из лекции Платона «О благе», о которой рассказывал Аристотель и другие товарищи Платона, написал следующее: «Действительно, Платон, отыскивая начала сущего, исходил из того, что число по природе предшествует всему остальному (ведь и границы отрезка — точки, а точки — это единицы, имеющие расположение, а без отрезка нет ни поверхности, ни трехмерного тела, в то время как число и без всего этого может быть), так вот, так как число по природе предшествует всему остальному, он полагал, что число — это начало и что начала первого числа суть начала всякого числа. Первое число — это двойка, началами его являются, как он говорил, единое, а также большое и малое. Поскольку это двойка, она содержит в себе самой множество и малость (πλήθος καὶ ὀλιγότη-τα), множество — поскольку в ней есть двойное (ведь двойное — это и множество, и избыток, и некоторая величина), малость — поскольку в ней есть половина. Поэтому, согласно с этим рассуждением, в ней есть избыток и недостаток, большое и малое. Далее, она [двойка] причастна единице, поскольку каждой из двух ее частей является единица и сама она есть единый вид — двоичный (τὸ δυαδικόν). Поэтому-то он и говорит, что единое, а также большое и малое суть начала двойки, и он называл ее неопределенной двоицей, потому что она, будучи причастной большому и малому, или же большому и меньшему, содержит в себе больше (τὸ μᾶλλον) и меньше (τὸ ἧττον). Действительно, больше и меньше, чередуясь ритмически, то напрягаясь, то ослабевая (κατὰ ἐλίτασιν καὶ ἄνεσιν), не прекращают движение в направлении неопределенности беспредельного. Действительно, так как двойка — это первое число, а начала ее — единое и большое и малое, то необходимо, чтобы у всякого числа были те же начала. Далее, числа суть элементы всего сущего. Так что и у всего началами являются единое и большое и малое, или неопределенная двоица. И каждое из чисел, поскольку оно есть нечто, нечто одно и определенное, причастно единому, а поскольку делится и есть множество, —

причастно неопределенной двоице. Платон даже идеи называл числами. Стало быть, он естественным образом и началами идей делает начала числа. Он утверждал, что двоица — это природа беспредельного, потому что она [двоица] не определена ни как большое и малое, ни как большее и меньшее, но содержит в себе больше и меньше, именно они стремятся в сторону беспредельного». Таким образом, Аристотель, сказав, в чем пифагорейцы, а в чем Платон усматривали беспредельное, далее исследует, как пифагорейцы отвечали на вопрос о том, что такое беспредельное, и почему.

F 2 C (G 88, R³ 28 B) ALEX. APHR. *in Metaph.* 85.16–18 (ad 990b17). Единое и неопределенная двоица суть начала, как [Аристотель] сказал чуть выше и как сам изложил в сочинении «О благе». Но они же, согласно этому сочинению, суть начала и числа.

F 2 D (G 92, R³ 28 C) SIMP. *In Ph.* 151.6–19 (ad 187a12). Александр говорит, что, «согласно Платону, началами всего и самих идей являются единое и неопределенная двоица, которую он называл большим и малым, как об этом свидетельствует Аристотель и в сочинении *О благе*». То же самое можно узнать и от Спевсиппа, и от Ксенократа, да и от остальных, кто присутствовал на лекции Платона «О благе». Ведь они все записали и сохранили то, чему он учил (δόξαν αὐτοῦ), и утверждают, что он [Платон] пользовался именно такими началами. Понятно, почему Платон полагал началами всего единое и неопределенную двоицу (ведь таково было учение пифагорейцев, а Платон явно всячески следовал за пифагорейцами), но как согласовать [с философией Платона] то, что он утверждал, будто неопределенная двоица, то есть большое и малое (а так он объяснял материю), есть начало также и идей, при том что материю Платон ограничивал только чувственно воспринимаемым космосом, и в «Тимее» он ясно говорит, что она место рождения и в ней возникает возникающее? Идеи, утверждал он, познаваемы умозрительно, а в материю «верят на основании незаконного умозаключения» (ср. Ti. 52b).

F 2 E (G 93, R³ 28 D) Ibid. 453.25–454.19 (ad 202b36). Говорят, что Платон учил, что началами чувственно воспринимаемого являются единое и неопределенная двоица: о неопределенной двоице он говорил, полагая ее в том числе и среди умопостигаемого, как о беспредельном. Полагая большое и малое началами, он говорил о них как о беспредельном в лекции «О благе», присутствовавшие на которой Аристотель, Гераклид, Гестией и другие друзья Платона записали сказанное им весьма загадочно, а так оно и было сказано. Порфирий же, пообещав разъяснить это, вот что написал об этих вещах в своем «Филебе»: «Учитель полагает, что больше и меньше, сильно (τὸ σφόδρα) и слабо (τὸ ἥρέμα) — относятся к природе беспредельного. Ибо там, где все это [sc. больше и меньше, сильно и слабо] имеет место, чередуясь ритмически, то напрягаясь, то ослабевая, причастное им не останавливается и не достигает предела, но движется в направлении неопределенности беспредельного. Подобным же образом дело обстоит и с бόλυσим и меньшим и тем, что Платон иначе называет большое и малое. Действительно, допустим, у нас имеется некая определенная величина, скажем, в один локоть. Если, разделив эту величину пополам, мы оставим одну ее половину неделимой, а другую, разделяя ее понемногу, будем добавлять к той половине, которая оказалась неразделенной, то у величины в локоть получатся две части: одна — стремящаяся к меньшему, другая — стремящаяся к большему, и так до бесконечности. Ибо мы, пожалуй, не дойдем до неделимого, если будем делить [одну часть], так как локоть — величина непрерывная, а непрерывное делится на то, что само опять-таки делится. Так вот, такое бесконечное деление обнаруживает, что в одном локте заключена некая природа беспредельного (φύσιν ἀλείρου), скорее даже, несколько природ: одна — стремящаяся к большому, другая — стремящаяся к малому. На основании этого видно также и то, что неопределенная двоица состоит из единицы, стремящейся к большому, и единицы, стремящейся к малому. И такое положение дел свойственно как непрерывным телам, так и числам. Ведь двойка — это первое четное число, а

в природе четного числа заключается и двойное, и половина, но двойное — в избытке, а половина — в недостатке. Стало быть, в четном числе содержится и избыток, и недостаток. И хотя двойка среди чисел есть первое четное, но сама по себе она не определена, однако по причастности единому — определена. Ведь двойка определена постольку, поскольку является чем-то единым по виду. Итак, элементы чисел — единое и двойка, первое — ограничивающее и видообразующее, вторая — неопределенная двоица и пребывающая в избытке и недостатке». Вот так сказал Порфирий, почти этими самыми словами, сообщив, что он разъясняет сказанное весьма загадочно в лекции «О благе» и что, возможно, это созвучно тому, что написано в «Филебе».

F 3 A (G 949.1, R³ 29B) СЕХТ. ЕМР. *Adv. math.* 3.57. Но и Аристотель утверждает, что не просто возможно помыслить (μη ἀδιανόητον) то, что геометры называют длиной без ширины (μηκος ἀπλατές), но она может быть доступна мысли без всякой трудности. И это рассуждение он основывает на некоем весьма ясном и очевидном предположении. Берем же мы, говорит он, хотя бы длину стены, не примысливая при этом ее ширину, поэтому будет возможно и длину, о которой говорят геометры, помыслить без какой бы то ни было ширины.

F 3 B (G 949.2, R³ 29 A) СЕХТ. ЕМР. *Adv. math.* 9.412 (= *Adv. dogm.* 3.412). Но вот и Аристотель говорил, что то, что геометры называют длиной, не имеющей ширины, вполне можно помыслить (вот хотя бы, говорит он, мы берем длину стены, не примысливая при этом ее ширину).

F 4 (G 87, R³ 30) АЛЕХ. АРНР. *in Metaph.* 59.28–60.2 (ad 987b33). Можно задаться вопросом, почему Аристотель, излагая учение Платона, не упомянул ни одну из этих причин [sc. ни действующую, ни целевую], хотя Платон не только действующую причину упоминает там, где говорит: «Задача — в том, чтобы отыскать и показать создателя и отца всего» (Ti. 28c), но и *то, ради чего и цель* (τὸ οὗ ἔνεκεν καὶ τέλος) — имея в виду эти причины, он снова говорит:

«Все вокруг царя всего и все ради него» (Ер. 2, 312е). Ни одну из этих причин Аристотель в изложении учения Платона не упомянул: либо потому что ничего такого тот не упоминал среди того, что говорил о причинах, как [Аристотель] показал в сочинении «О благе», либо потому что [Платон] не мыслил их причинами вещей возникающих и гибнущих и даже не имел на их счет никакого законченного суждения.

F 5 A (G 85.1, R³ 31 A) Alex. Arhr. in *Metaph.* 250.17–20 (ad 1003b32 ff.). Чтобы было понятно, что почти все противоположности, как к началу, возводятся к единому и множеству (τό τε ἓν καὶ τὸ πλῆθος), он отсылает нас к «Перечню противоположностей», где он написал об этом особо. Об этом перечне он упоминал еще и во второй книге сочинения «О благе».

F 5 B (G 85.2, R³ 31 B) Ibid. 262.18–26 (ad 1004b29). Словами «давайте оставим это сведение [sc. противоположностей к началу], как оно нами принято» (1004b36–1005a1) он отсылает нас к тому, что сказано во второй книге сочинения «О благе».

F 5 C (G 85.3) Asc. in *Metaph.* 237.11–14 (ad 1003b36). Чтобы было понятно, что почти все противоположности, как к началу, возводятся к единому и множеству (τό τε ἓν καὶ τὸ πλῆθος), он отсылает нас к «Перечню противоположностей», где он написал об этом особо. А об этом перечне он упоминал еще и во второй книге сочинения «О благе».

F 5 D Ibid. 247.17–21 (ad 1005a2). Сказав, что все противоположности возводятся к единому и множеству, и это он продемонстрировал посредством той же процедуры сведения противоположностей, которую изложил во второй книге сочинения «О благе», и приняв, что противоположности суть элементы сущего и сущности (τῶν ὄντων καὶ τῆς οὐσίας στοιχεῖα τὰ ἐναντία), он говорит, что-де на этом основании ясно, что созерцание сущего как сущего есть дело *одной* науки.

F 5 E (G 89) Ps.-Alex. in *Metaph.* 615.14–17 (ad 1054a29). Он произвел деление в сочинении «О благе», как мы уже сказали в других ме-

стах, посредством этого деления все противоположности он свел ко множеству и единому. Действительно, то же самое, подобное и равное причастны единому, иное, неподобное и неравное — множеству.

F 5 F (G 90) Ibid. 642.38–643.3 (ad 1061a10). Будем считать, говорит он, что мы рассмотрели вот такие первые противоположности сущего: множество и единое, подобное и неподобное и т.д. А перечислил он их в книге под названием «О благе».

F 5 G (G 91) Ibid. 695.23–26 (ad 1072a32). Сказав это, он добавляет: «Деление делает явным, что, кроме того, о чем мы сказали, в неподвижных есть и *то, ради чего* (τὸ οὗ ἕνεκα)», при этом он называл делением процедуру, посредством которой, как он часто говорил, он осуществлял сведение противоположностей. И такое сведение противоположностей он осуществил в книге под названием «О благе».

F 6 Asc. in *Metaph.* 79.7–10 (ad 990b17). А больше, и даже больше всего, желают они [платоники], чтобы были такие начала. Ведь эти начала для них — и самих идей начала (αἱ ἀρχαί). А таковые начала — единое и неопределенная двойца, как недавно было сказано, и сам он исследовал этот вопрос в сочинении «О благе».

Источники и сокращения

CAG — Commentaria in Aristotelem Graeca / edita consilio et auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussiae. Vol. 1–23. Berolini: Ge. Reimeri, 1882–1909.

G [Gigon 1987] — Aristotelis Opera. Volumen tertium: Librorum deperditorum fragmenta / collegit et annotationibus instruxit Olof Gigon. Berolini et Novi Eboraci: Walter De Gruyter, 1987.

R³ [Rose 1886] — Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta / collegit Valentinus Rose. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1886.

- Ross 1955 — Aristotelis Fragmenta selecta / recognovit brevique adnotatione instruxit W.D. Ross. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1955.
- Vita Arist. Marciana* (Rose) — Vita Aristotelis ex Codice Marciano // Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta / collegit Valentinus Rose. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri, 1886. P. 426–436.
- Alex. Aphr. *in Metaph.* — Alexandri Aphrodisiensis in Aristotelis metaphysica commentaria / ed. Michael Hayduck. Berolini: Ge. Reimeri, 1891. (CAG 1.)
- Arist. *Ph.* — Aristotelis Physica / recognovit brevique adnotatione critica instruxit W.D. Ross. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1950.
- Arist. *De An.* — Aristotelis De anima / recognovit brevique adnotatione critica instruxit W.D. Ross. Oxonii: e typographeo Clarendoniano, 1956.
- Aristox. *Harm.* (Macran) — The Harmonics Of Aristoxenus / edited with Translation, Notes, Introduction, and Index of Words by Henry S. Macran. Oxford: at the Clarendon Press, 1902.
- Asc. *in Metaph.* — Asclepii in Aristotelis metaphysicorum libros A–Z commentaria / ed. Michael Hayduck. Berolini: Ge. Reimeri, 1888. (CAG 6.2.)
- Philop. *in Ph.* — Ioannis Philoponi in Aristotelis physicorum libros tres priores commentaria / edidit Hieronymus Vitelli. Berolini: Ge. Reimeri, 1887–1888. (CAG 16–17.)
- Philop. *in De An.* — Ioannis Philoponi in Aristotelis de anima libros commentaria / ed. Michael Hayduck. Berolini: Ge. Reimeri, 1897. (CAG 15.)
- Sext. Emp. *Math. (Geom.)* — Sextus Empiricus. Adversus geometros (= Adv. math. 3) // Sextus Empiricus / ed. and tr. by R.G. Bury. Vol. 4. Cambridge: Harvard UP, 1949. P. 244–303.
- Sext. Emp. *Math. (Phys.)* — Sextus Empiricus. Adversus physicos (= Adv. math. 9 = Adv. dogm. 3) // Sextus Empiricus / ed. and tr. by R.G. Bury. Vol. 3. Cambridge: Harvard UP, 1936. P. 2–209.
- Simp. *in Ph.* — Simplicii In Aristotelis physicorum libros commentaria / edidit Hermannus Diels. Berolini: Ge. Reimeri, 1882–1895. (CAG 9–10.)
- Simp. *in De An.* — Simplicii in libros Aristotelis de anima commentaria / edidit Michael Hayduck. Berolini: Ge. Reimeri, 1882. (CAG 11.)
- Them. *in Ph.* — Themistii in Aristotelis physica paraphrasis / edidit Henricus Schenkl. Berolini: Ge. Reimeri, 1900. (CAG 5.2.)